

Г. Айги

РЕЧЬ ПРИ ВРУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

"Литературная премия имени Андрея Белого за 1987 год по разряду поэзии присуждается Геннадию Айги за мужественное одиночество поэтического труда, преодолевшего национальную ограниченность чувашского, русского, французского языков и открывшего в просветах высокого творчества единое поле человеческой культуры".

Когда я получил известие о присуждении мне премии имени столь замечательного явления русской культуры, сразу вспомнилась мне одна старая женщина, которая со мной разговаривала—разговаривала, а потом спросила: "Как вы относитесь к Андрею Белому?". Я ответил, что считаю его национальной гордостью русского народа. Она сказала: "Мы с вами будем друзьями". Так оно и случилось в дальнейшем.

Когда меня известили об этой премии, я подумал, что это происходит во сне. У меня была раньше премия французской Академии, дорогая тем, что в очень тяжелые годы весьма неожиданно я получил поддержку совсем с неожиданной стороны. Слова поддержки, которых здесь не было, я получил из Франции. Потом была венгерская премия по литературе, искусству и музыке. Потом была в прошлом году чувашская премия имени Василия Митты. Это был человек, который, прожив всего 49 лет, 17 провел в лагерях, и несмотря на это он остался одним из самых крупных наших поэтов. Я за всю жизнь видел только двух человек, которые всю жизнь

светились каким-то святым излучением – это Борис Пастернак и Василий Митта. Так случилось, что Василий Митта и Борис Пастернак начали общаться через меня: слова одного я нес другому и обратно. И когда Василий Егорович Митта, вышедший в 1955 году из лагерей, скончался в 1957 году, Борис Леонидович был совершенно потрясен. Он ждал меня в назначенный день и вышел навстречу с веранды, повторяя: "Как это могло случиться?". Так это случилось, да. Когда я говорил в Чувашии, благодаря за премию Митты, я сказал: "Мне дорога эта премия среди других тем, что посвящена имени человека просто святого".

И после всех этих премий для меня действительно совершенно удивительной стала эта неожиданная премия имени Андрея Белого. Прежде всего потому, что существует всегда огорчавшее меня противопоставление Москвы и Ленинграда, в том или ином виде всегда существовавшее, а я не хочу никаких препирательств, я за согласие и взаимопонимание. И ради этого я и хочу сказать все слова, которые скажу, ради взаимного согласия. Еще и за эту возможность я благодарен тем, кто присудил мне эту премию.

Об Андрее Белом очень много говорено, очень много написано, мы знаем о нем то, другое, и все оно – разноречиво, противоречиво. Определять его как-то кардинально, вписывая в историю литературы – это не моя обязанность, я не историк литературы. Я хочу сказать лишь о трех моментах, которые, может быть, не всем известны насчет этого человека, насчет его судьбы, жизни. Но для этого я все-таки хочу определить его роль – в моем понимании – в современном и будущем русской поэзии, его воздействие на нее – вчера, сегодня и завтра.

Новейшей русской поэзией мне приходилось много заниматься в силу разных причин и, в частности, из-за того, что я десять лет служил в Музее Маяковского в свое время. Новейшая русская поэзия существует, имеет определенные черты, определенные собственные оригинальные особенности в мировой поэзии. Для меня нет сомнений, что бы ни утверждали другие, что новейшая русская поэзия начинается с Елены Гуро, которая опередила на несколько лет поиски и Хлебникова, и Маяковского, даже Крученых. На Западе новейшая русская поэзия начинается с Владимира Соловьева. Это верно. Как исторический рубеж, как мировоззренческий рубеж Соловьев это действительно веха, которая собой знаменует перемену мировоззрения, прежде всего богословского, но и исторического, и поэ-

тического. Конечно, он определяет собой и Блока, и много-много других и по сей день даже, и дальше будет определять многое из развития нашей поэзии. Однако русская поэзия в своем дальнейшем развитии приобрела новые черты, которые я связываю с именем Елены Гуро, потом - Хлебникова, Маяковского, Малевича, которого я сюда включаю сознательно, хотя он живописец, но это был великий мыслитель-эстет. И тогда мы видим, что для новейшего русского искусства в целом, даже и для поэзии, характерна такая очень важная черта - если сравнивать это с искусством Европы, поэзией Европы - как активностроительная, фактурно-строительная сторона искусства. Ее можно назвать чертой вообще Петровской, имени Петра Великого. Я не из тех, кто к нему относится в последнее время несколько очень странно, стремясь принизить. Для меня он - Великий, просто личность гениальная. И вот эта строительная, созидающая черта именно в Петре Великом необычайно, более всего выразилась, и я считаю это, может быть, главной чертой русского народа, русской культуры.

Если мы сейчас, не говоря о Владимире Соловьеве, присмотримся к тому, что называется русским авангардом, новейшей русской поэзией, посмотрим, кто является предшественниками, кто как катализатор действует, начиная с зарождения новейшего русского искусства, - это прежде всего именно Андрей Белый. Это пламенно жгущая, антрацитово страшной силы, невероятная центробежная сила, весь пылающий - огонь русского искусства, его энергия. Если начать читать его поэзию, то видно, насколько он невероятно разбрасывал свою гениальность. Насколько он даже не дорабатывает что-то до конца, а все время горит, вспыхивает, - это невероятная самоотдача миру и жизни себя, и без конца вспыхивают совершенно гениальные необычайные строфы, необычайные строки, из которых другие бережно делали бы отдельные целые какие-то вещи, а для него это безразлично. Для него важно - невероятное горение. Нечего и говорить, что "Петербург" - одно из величайших творений века. Этот образец трагической русской прозы идет от высочайшего звука, гоголевского звука "Мертвых душ", он звучит именно в "Петербурге" еще раз, чтобы в третий раз с такой же силой вспыхнуть в "Котловане" Платонова.

Я с глубочайшим уважением отношусь к Толстому, особенно в последнее время я много думаю и занимаюсь старым Толстым, кото-

рого я беспредельно уважаю, нечего говорить и о Чехове, насколько я его уважаю, я сейчас просто говорю об определенной, трагической остроте в отдельно взятом произведении. Поэтому я называю Андрея Белого в этом ряду.

Если же говорить о нескольких, стоявших у истоков будущего нашего искусства, то второй - это Иннокентий Анненский, на мой взгляд. С ним вышла немного странная история. Акмеисты от него взяли только предметность как таковую без экзистенциального переживания предметности, они взяли из него только одну сторону. Очень высоко ценимая мною Анна Андреевна Ахматова отзывалась о нем как об учителе (в очень коротком стихотворении) и только к концу жизни стала осознавать, что все-таки значил Иннокентий Федорович Анненский. Она успела это сказать, и это очень важно для мировой культуры, потому что ее слова были очень важны для всех. Странным образом мне лично кажется, что Иннокентий Анненский, может быть, только сейчас начинает оказывать подлинное свое влияние.

Я не сомневаюсь, что "Котлован" не имеет никакого отношения к Анненскому, но посмотрите, как накал экзистенциально-мучительного переживания мира, слияния предметности с душевными муками удивительно совпадают у этих двух личностей в их творениях. Может быть, так будет, может быть, не так, но мне кажется, будущее наше новейшее искусство будет зависеть от Платонова и от Анненского.

Но то, чем электрически заряжал, чем воздействовал Андрей Белый, сохраняется и будет сохраняться. Вспомним совершенно поразительное признание Есенина, когда он говорит о тех, кто на него повлиял, кто потряс его при встрече - он называет Андрея Белого. Вспомним и то, что некоторые структурные моменты Владимира Маяковского ранее еще появились в поэзии Андрея Белого. Даже так называемая знаменитая "лесенка" Маяковского - это было уже у Андрея Белого.

И еще поразительные вещи. Был совершенно гениальный чувашский поэт Михаил Сеспель, погибший в 22 года в 1922 году. Казалось бы, он очень должен был быть похожим на Маяковского, его, казалось бы, по натуре, по всему должен был привлекать Владимир Маяковский. Но при всем моем тщательном просматривании всего, что касается этого поэта, всех его материалов, автобиографических и

так далее, и поэзии, я знаю только одного поэта, который имел на него влияние – это опять-таки, поразительным образом, Андрей Белый.

Сейчас я хочу перейти к тем трем моментам насчет Андрея Белого, которые, может быть, некоторым из вас неизвестны.

Первый момент. Об Андрее Белом говорилось неоднократно, что он неуживчив, говорили о его эгоистичности, говорили о том, что в личных проявлениях он бывал неприятен, много такого наговорено. А вот очень интересный один факт. Мне пришлось ради одной работы прочесть много литературы о Есенине, огромный свод прижизненных и сразу после смерти отзывов о нем. Есенин разнообразно вырисовывался и проявлялся во всем этом, это была масса противоречивых отзывов, чрезвычайно иногда диаметрально противоречивых. И уловить человеческую сущность Есенина было очень трудно. И единственный человек, который мне показал, что это была за личность, оказался Андрей Белый. В малоизвестной своей статье он говорит: о Есенине пишут сейчас по-разному, много разного, я хотел бы другое... Вы знаете, он стал ужасно дерзкий, с выходками, да, он уже невыносим, он уже невозможен, а я помню, как он впервые появился в петербургских гостиных. Помню, как его Мережковские унижали. Я помню затравленные глаза этого ребенка, в них чувствовалась такая чистая душа, совершенно чистое дитя, которое оскорбили, а у него хватило сил сопротивляться, огрызаться. И я всегда помню, как его травили. Я всегда помню удивительно чистые глаза этого человека.

Этим фактом я хочу сказать о человечности Андрея Белого.

Следующий факт тяжелый, ужасный. Я человек, лишенный всякого мистического чувства, но я родился в год смерти Андрея Белого. Мне сейчас ровно столько лет, во сколько он скончался. А как он доживал свои дни? В "Литературной газете" приблизительно за два года до смерти была огромная статья Андрея Белого – два подвала. Это ужасающий документ, это ужасающая статья. Эпоха пошла другая, а он хочет быть нужным, он ужасается, но не отрекается от эпохи. Он говорит о так называемых поэтах "Кузницы" с каким-то повышенным, с каким-то страшным, ужасающим каким-то уважением: мол, они были лучше, правее, чем я и так далее. Может, вспомните Го Можо, этого уважаемого великого ученого и великого писателя заставили при Мао Цзедуне так чудовищ-

но каяться и самобичеваться, что не верилось, что это подлинник, то, что мы читали. Вот такое было страшное и в последние трагические годы Андрея Белого: и видно, и чего ему стоила его судьба, и как он еще хотел быть нужным для реального, конкретного будущего.

Третий момент. У меня есть две неопубликованные фотографии, первая из них как раз года 30-го, на другой он уже в гробу. Я всматриваюсь в это лицо, когда мне они попадаются, и вспоминаю, что говорил Борис Пастернак о Маяковском (он обожал Маяковского, свидетельствую), так вот, он однажды сказал: "Надо было видеть Владимира в реальности, в живом воплощении, это было изумительное воплощение в мужском обличии гения. Это был невероятной красоты человек." У меня есть еще фотография, где сняты Шостакович, Мейерхольд и Маяковский – и поражает мощная монументальность лиц двоих – Маяковского и Мейерхольда. И вот, когда я смотрю на Андрея Белого, то убеждаюсь, что гениальность имеет иногда еще и физическое выражение. На фотографии Андрей Белый необычайно напоминает этих двух своей огромной монументальной головой, необычайно красивой пластикой лица, и вообще думается: какие большие люди были.

Это, пожалуй, все, что я хотел сказать об Андрее Белом.